

Телохранитель
Евгения Охотникова

МАРИНА СЕРОВА

Сердце
красавицы
склонно
к измене

elipse

Телохраниитель Евгения Охотникова

Марина Серова

**Сердце красавицы
склонно к измене**

«Научная книга»

2007

Серова М. С.

Сердце красавицы склонно к измене / М. С. Серова — «Научная книга», 2007 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

Тяжела планида председателя банка! Андрей Конюков осмелился лишь подступить к креслу босса, и чуть было с жизнью не распрощался. Теперь лежит в больнице с простреленным легким и умоляет знаменитого телохранителя Евгению Охотникову решить его проблемы. Но даже с ее опытом и интуицией сложно разобраться в банковских войнах: кадровая чехарда, отравление учредителя и его секретарши. Однако, как оказалось ветер дует вовсе не оттуда, и Женя – первая, кто об этом догадался...

Содержание

1	5
2	14
3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Марина Серова

Сердце красавицы склонно к измене

1

Вытяжка не справлялась с обилием пара, валившего от четырех посудин на плите. Каждая из них издавала свой звук – кастрюля с пельменями зловеще дрожала, позвякивая крышкой; в жаровне булькали голубцы; сковорода с луком недобро шкварчала, будто обижаясь, что ей недостаточно уделяют внимания; а яйца в кастрюльке поменьше вообще устроили восстание в бурлящей воде, настойчиво барабанив в стенки. Вся эта какофония наводила на меня тоску, и чем дальше, тем сильнее. На душе было беспокойно в преддверии окончания кулинарного марафона, навязанного мне тетей Милой. Задыхаясь во влажных испарениях и обливаясь потом, я распахнула окно и высунулась на улицу, чтобы охладиться, но оттуда ударило такое злое солнце, что я отшатнулась, проклиная все на свете. Нет, я не сдамся! Обратного пути нет. Лучше смерть от удушья, чем насмешки тети. Чтобы как-то себя поддержать, я стала вспоминать учебу в «Ворошиловке» – вузе КГБ, где из молодых людей чеканили высокопрофессиональных бойцов элитных спецподразделений для заброски в тыл врага. Вспомнились тренировки на сверхизнурение. Выброски в непролазные джунгли Камбоджи, болота, кишачи всякой нечистью, когда в глазах все плывет от ядовитых испарений, а тело покрыто язвами и пиявками. Не намного лучше мне пришлось на Кавказе – пули снайперов, засады на нескончаемых горных тропах, холодные перевалы, обвалы, предательские обломки скалы, выскальзывающиеся из-под ноги, ищущей опоры, и улетающие с грохотом в бездонные пропасти...

– Женя, ты тут как, жива? – ехидно осведомилась тетя Мила, заглянув на кухню. Принюхавшись, она заметила: – У тебя, кажется, лук подгорает.

Я сделала вид, что полностью контролирую процесс:

– Ничего у меня не подгорает. Все так и задумано. Я просто предпочитаю лук поподжаристей. Знаешь, такая золотистая корочка чтоб... – Говоря, я заслонила собой сковородку, незаметно убавила газ и стала яростно отдирать прижарившиеся к металлу колечки. Голос мой был все таким же спокойным и уверенным. – Можешь не беспокоиться, я со всем справлюсь. Иди и посмотри телевизор пока.

– Я-то пойду, – усмехнулась тетя, – но ты бы сделала огонь поменьше, а то у тебя тут не продохнуть. Все кипит и бурлит. Вон какие испарения, даже вытяжка не помогает.

– Значит, плохая вытяжка, – буркнула я в ответ.

– Ты упрямая, как твой отец, – вздохнула тетя Мила печально.

– Вот про отца не надо, – попросила я. Воспоминание о родителе больно резануло по сердцу, бередя старую рану.

После смерти матери мой дорогой родитель, мягко говоря, предал ее память, женившись на соседке, которую я терпеть не могла. И сделал он это так, словно только и ждал, когда мама умрет. Мои возражения для него ничего не значили. Генерал до мозга костей, он всегда сам принимал решения, и мне оставалось лишь одно – уехать из Владивостока, чтобы не мешать их счастью. Связи отца помогли мне выскользнуть из цепких лап спецслужб. На тот момент я не успела еще увязнуть достаточно глубоко в шпионских делах и обагрить свои руки кровью невинных жертв, которых волею судьбы втянуло в невидимую для глаза простого обывателя войну держав за господство над миром.

Покончив со старой жизнью, я переехала в Тарасов, к тете Миле. Тетя жила одна и была несказанно рада моему приезду. Она отнеслась ко мне как к дочери, позволив без стеснения обитать в ее квартире, пока я не устроюсь и не куплю собственное жилье. Однако про-

цесс устройства здорово затянулся, благодаря галопирующим ценам на квартиры, инфляции и отсутствию в провинции приличной работы.

Вначале я пыталась устроиться по специальности, записанной в выданном в «Ворошиловке» дипломе, – преподаватель иностранных языков. Но зарплаты преподавателей и всякого рода переводчиков повергли меня в уныние. В спешном порядке подняв кое-каких людей, я обзавелась хорошими рекомендациями и переквалифицировалась в телохранители, благо соответствующий опыт имелся. Деньги, конечно, тоже небольшие, однако, по меркам Тарасова, неплохо, на жизнь хватает, и главное – работаешь на себя без указки из центра.

В общем, я прижилась в квартире у тетушки, мы сдружились, хотя с ней порой бывает не так просто найти общий язык. Тетя Мила по неизвестным причинам полагает, что сможет распорядиться моей жизнью лучше, чем я сама. Я же постоянно доказываю ей, что способна позаботиться о себе самостоятельно. Вот и мои кулинарные потуги призваны служить этой цели. Тетя твердила мне, что женщина обязана уметь готовить. Мои заверения, что если надо, то я приготовлю что угодно, не принимались на веру. Вооружившись кулинарной книгой, мне пришлось вступить с тетей в поединок. Пусть знает, что настоящий профессионал – он во всем профессионал.

Тетя молча постояла за моей спиной некоторое время, потом грустно сказала:

– Извини, Женя, я не хотела тебя расстраивать. Просто...

Я, не дав ей договорить, спокойно произнесла, помешивая пельмени ложкой:

– Не забивай себе голову, ну сказала и сказала. Он мой отец и всегда будет им, я всего лишь не хочу говорить на эту тему.

Тетя молча вышла, а я кинулась убавлять огонь под кастрюлями. Часть лука отправилась со сковороды в мусорное ведро. Я тщательно замаскировала огарки в мусоре. Остатков лука должно было хватить для соуса. Я нарезала с запасом. Раскрытая кулинарная книга лежала на столе. Выловив из кастрюли пельмешку, я, старательно дую на нее, заглянула в книгу, сверяясь с рецептом. Шаг за шагом я восстановила в памяти все свои действия, начиная с приготовления фарша. Рецепт был полностью соблюден, компоненты в необходимых количествах на месте. Вдохнув, я отправила пельмень в рот и разжевала. Получилось очень даже неплохо для первого раза. Воодушевленная своим успехом, я сняла кастрюлю с плиты, решив слить бульон непосредственно перед подачей на стол.

В жарившийся лук добавила томатной пасты, специй, перемешала и вылила все в жаровню с голубцами. Следом пришел черед яиц. Остальные компоненты салата я подготовила заранее. Предстояло их нарезать и смешать. Я внимательно посмотрела на стойку с ножами. Вытянула один, посолиднее, проверила остроту лезвия. Чего-чего, а способностей в нарезании у меня никому не отнять.

Наконец настал момент истины. Одну за другой я расставила тарелки на столе перед тетей Милой. Она напустила на себя серьезный вид, нацепила очки, пояснив, что для начала внимательнейшим образом должна изучить внешний вид блюд. Привлекательный, аппетитный внешний вид, по ее словам, – это половина успеха повара.

Так я не волновалась даже на своем первом разминировании, когда нечаянно перерезала не тот проводок и едва не взлетела на воздух. У тети Милы нашлось много нареканий: здесь веточка зелени как-то косо лежит, там недостаточно соуса и тому подобное. Я стойко переносила все придирки, пыталась объяснять, отшучиваться, но настроение все ухудшалось и ухудшалось. Если бы тетя Мила принимала выпускные экзамены в «Ворошиловке», то сто процентов выпускников пошли бы на передачу.

– Ладно, попробуем, что ты тут наготовила, – зловеще проговорила она, хитро улыбаясь. Я смахнула полотенцем выступившую на лице испарину. Жар, вошедший в меня на кухне, так и пер изнутри, будто из печки. Не спеша, тетя взяла пельмень и, игнорируя кетчуп, майонез и

горчицу, тщательно разжевала, пояснив, что приправы только помешают ей оценить истинный вкус блюда.

– С майонезом и кетчупом можно съесть все, что угодно, а вот без них...

Потом тетя нахмурилась, грозно посмотрела на меня, но все же не выплюнула результат моего труда, а проглотила.

– Что, что не так? – спросила я, не в силах скрыть волнения.

– Женя, на мой взгляд, слишком много соли и перца и тесто несколько жестковато, – ответила тетя Мила, – на фонепельменей из магазина твои сойдут, а как настоящие домашние... Если готовишь сибирские, то мясо измельчают не на мясорубке, а рубят. Причем берется три вида мяса: свинина, говядина и мясо птицы или баранина. И после приготовленияпельмени варят не сразу, а предварительно замораживают...

– Но в рецепте ничего такого нет! – возмутилась я.

– Да кто вообще эти рецепты читает, – пожала плечами тетя Мила, – надо было меня слушать. Но нет, мы же сами с усами! – И, повысив голос, она спародировала меня: – Я возьму книгу и приготовлю что угодно.

– Это нечестно, – буркнула я, чувствуя жгучую обиду за свой непосильный труд, вылетевший коту под хвост. – Мы договаривались, что я буду готовить по книге, вот и суди меня по ней.

– Надо уметь читать между строк и, зная свойства продуктов, моделировать блюдо в уме, – неуступчиво сказала тетя Мила, – хорошо, я оценю тебя по книжке: три с большим минусом.

У меня на глаза навернулись слезы. Если бы передо мной был враг, то ему бы пришлось несладко – куча переломов, тройное сотрясение и несколько месяцев в больнице. Но тетя – другое дело, и, чувствуя свою безнаказанность, она вдоволь глумилась над моими кулинарными способностями.

Как ни в чем не бывало тетя Мила попробовала голубцы.

– А эти недосолены, и соус отдает горелым.

Не услышав ни слова в ответ, она повернулась ко мне и, заметив нечто такое в моем лице, поспешно добавила:

– Ну ты, Женя, не расстраивайся, уверена, в будущем у тебя все получится. Вряд ли кто другой способен вот так, с первого раза. – Она зачерпнула ложкой салат, отправила в рот и замычала от удовольствия, качая головой: – М-м-м-м, салат превосходный. Только майонез в нем какой-то подозрительный, старый, что ли. Твоя проблема, Женя, в том, что ты недостаточно серьезно относишься к выбору продуктов. Надо брать те, что стоят подальше. Продавцы в супермаркетах вперед ставят все просроченное...

Я не смогла сдержать стоны, сорвавшегося с губ. Иногда тетя так доставала со своими поучениями, что не помогала и шпионская выучка. Проще найти общий язык с бандой головорезов. Однако я понимала, что действия тети продиктованы заботой обо мне. Все из лучших побуждений.

– Представляешь, вот ты выйдешь замуж и во время медового месяца накормишь мужа старым майонезом, – продолжала тетя, перескочив на тему, волновавшую ее больше других, а именно на мою личную жизнь, – он поест майонезика и просидит весь ваш медовый месяц в туалете.

– Я буду выбирать мужа с крепким желудком, – заверила я ее и, развивая тему, погрузила ложку в салат, – а вообще, муж мой будет сам готовить. Все, решено – выйду замуж за повара.

– Так тебе твой повар и будет дома готовить, – скептически заметила тетя Мила, – он придет и скажет, что наготовился на работе, потребует еды, а ты его траванешь чем-нибудь застарелым.

– Прям уж и травану, – обиженно буркнула я, принохиваясь к салату. – Салат как салат...

– Может, ты просто не ощущаешь этого привкуса, – пожала плечами тетя Мила.

Я молча прошла на кухню, разыскала в мусорном ведре крышку от майонеза и убедилась, что срок его годности истек три дня назад. Что с ним за три дня случится? Тетя помогала разбирать мне покупки, видела дату на крышке, а теперь разыгрывает из себя тут супердегустатора. Лежавший на кухонном столе телефон пропел музыку из «Смертельной битвы». Глядя на высветившийся незнакомый номер, я вошла в гостиную и обомлела. Тетя с аппетитом поглощала мой салат, не смущаясь просроченным майонезом.

– А ты не боишься отравиться, тетя? – ехидно спросила я. – Застарелые продукты – помнишь, или у тебя мгновенный склероз?

– Детка, я просто не хочу, чтобы твои старания пропали даром, – пояснила тетя, сглотив, – к тому же майонез не достиг еще степени, когда можно отравиться.

– Вот, значит, как, – окинула я тетю долгим взглядом.

– Складывается впечатление, что ты меня в чем-то обвиняешь, – проворчала она, собирая вилкой остатки салата с тарелки. Пообещав, что с ней я разберусь позже, я ответила на звонок. Приятный мужской голос осведомился:

– Имею ли я честь разговаривать с Евгенией Максимовной Охотниковой?

– Да, это я. – Мне хотелось, чтобы в голосе не чувствовалось расстройств, причиненного мне тетиными придирками. Поэтому я добавила бодро: – А вот насчет того, имеете ли вы честь, не скажу, так как лично с вами не знакома.

Собеседник замолчал, раздумывая над моим ответом. Я первой нарушила молчание:

– У вас ко мне какое-то дело?

– Да, конечно. Вас мне посоветовал Кравцов, директор «Молочных рек», – медленно заговорил незнакомец и, спохватившись, представился: – Меня зовут Андреем Кондратьевичем. Кравцов рассказывал, что вы буквально чудеса творите: спасли и его самого, и его предприятие.

– Было дело, – уклончиво ответила я, – а у вас, Андрей Кондратьевич, что за проблема?

– Меня хотят убить, – понизив голос, сказал мужчина, – снайпер выстрелил прямо через окно. Я сидел в кабинете, а потом как удар такой... Чувствую – лечу, и темнота. Очнулся только в больнице. Прострелено легкое. Пуля прошла недалеко от сердца. Как оклемался, сразу вам звонить. Я сейчас еще в больнице.

– Да, вижу, дела у вас нешуточные, – поддакнула я, – только предупреждаю сразу: я во всяких криминальных разборках не участвую, по заказу людей не устранию, долги не выбиваю.

– Нет, что вы, я не из этих, – поспешно перебил меня Андрей, – я работаю в банке начальником департамента инвестиционной политики и кредитования. Дела у нас ведутся строго в рамках существующего законодательства. Ко мне неоднократно обращались со всякими сомнительными предложениями, но я всегда отказывался.

– В этом, наверное, и была ваша ошибка, ну, что отказывались, – усмехнулась я.

– А по-другому сейчас нельзя, – заверил он, – между банками существует жесткая конкуренция. Сунешься в мутную воду, и тут же куда следует сольют компромат, потом жди отзыва лицензий, проверок. Да вот буквально недавно была тотальная проверка банковских структур. Многие ее не пережили.

– Хорошо, мне все ясно, – сказала я и напредила свои расценки: – Я беру за работу две тысячи в сутки – выплата не реже раза в неделю. Плюс к этому затраты: на различную спецтехнику; наем дополнительных людей, скажем, для слежки или иных поручений. А также на оплату услуг осведомителей и возмещение ущерба в результате пожаров, взрывов, затоплений, автомобильных аварий и техногенных катастроф.

– Чего-чего? – переспросил пораженный банкир.

– Про техногенные катастрофы я пошутила, а остальное происходит с завидной регулярностью, – ответила я, – в особенности аварии. Защищая клиентов, я трижды лишалась своей

машины, и они приобретали мне взамен новую. Вы как, потянете? А то мне не хочется потом слушать жалобы, что дешевле было бы нанять батальон ОМОНа.

– Думаю, финансовую сторону вопроса я решу без проблем, – поразмыслив, ответил Андрей, – больше того, я могу помочь со спецаппаратурой и людьми. У нас есть хорошо оснащенная служба безопасности...

– Дело в том, Андрей Кондратьевич, что я бы не хотела вмешивать в дело службу безопасности вашего банка, – ответила я с расстановкой. – Чем меньше людей знает, кто я такая, тем лучше. В некоторых вопросах мне волей-неволей придется обращаться к вашим из безопасности, но пусть они лучше считают меня вашим помощником или заместителем. Придумайте для меня какую-нибудь должность. Вы можете это сделать?

– Да, в принципе могу, – задумчиво пробормотал он, – вы что же, думаете, что к покушению приложила руку наша служба безопасности? Уверяю, Евгения Максимовна, вы ошибаетесь.

– Пока я ничего не утверждаю, – ответила я сухо, – нам надо встретиться, все обговорить, а только потом я начну делать свои выводы.

Клиент предложил мне приехать к нему прямо в больницу. Он опасался, что убийцы захотят достать его на больничной койке. На милицейский пост он не надеялся. Днем еще ладно, а ночью, по его словам, уснуть вообще невозможно. Он несколько раз выглядывал в коридор и видел, что охранники дремлют или их вообще нет на посту. Кто угодно мог проникнуть в палату. Один запор на двери убийцу не остановит.

В этом Андрей Кондратьевич был, пожалуй, прав, с одной маленькой поправкой: если бы его хотели достать в больнице, то уже воспользовались бы моментом, когда он находился без сознания, однако вслух я эту мысль не высказала. Напротив, я пообещала приехать как можно быстрее. Дальше уточнила ряд интересовавших меня моментов. В частности, фамилию Андрея Кондратьевича и название банка, где он работает.

Фамилия Конюков ничего не сказала, а вот банк «Волжский» уже не единожды возникал у меня на горизонте. Его владелец, Генрих Августович Портняжный, являлся родственником директора «Молочных рек» по линии жены и при встрече непременно узнал бы меня, так что инкогнито сохранить не удастся.

– А как поживает Генрих Августович, – справилась я у Андрея, стремясь понять, в каких отношениях с ним мой будущий клиент.

– Неважно он поживает, – мрачно ответил Конюков, – но это не телефонный разговор. Приезжайте.

– Ладно, часика через два подъеду, – сказала я. Мы попрощались. Отключив сотовый, я посмотрела на тетю, замершую передо мной с подносом в руках. На подносе стояли высокие бокалы, источающие кофейный аромат, а в тарелке, подле них, были сложены маленькие кексы, испеченные ею накануне.

– Это в знак примирения, – кивнула тетя на поднос, – кофе по особому рецепту и кексы, чтобы ты на меня не дулась.

– Я не имею такой привычки, – ответила я подчеркнуто сурово. Пусть тетя острее почувствует всю степень нанесенной мне обиды. Надо же, так поносить мои кулинарные способности!

– Ну, прости меня, прости, – жалостливо попросила тетя Мила, – в конце концов, в том, что ты не умеешь готовить, нет твоей вины.

– Я не умею готовить, – взвилась я, растеряв остатки самообладания, – у меня просто нет на это времени. Сама-то практикуешься каждый день! Нет, дорогая тетя, твое примирение провалилось. Придется тебе придумать что-то посерьезнее кофе с кексами, чтобы я тебя простила. – С видом смертельно обиженной я отобрала у нее поднос, сердито бросив: – Это я забираю, – и гордо пошла в свою комнату.

– Но, Женя, – заикнулась было тетя. Однако я грубо оборвала ее: – Все, никаких Жень! Она не видела, но в этот момент мои губы кривила улыбка, которую я всячески силилась сдержать. Пусть тетя думает, что я серьезно на нее обиделась. Глядишь, чувство вины сподвигнет ее помыть гору посуды, накопившуюся благодаря моим экспериментам на кухне. Да еще приготовит мне чего-нибудь вкусенького. Про иной вариант с посудой мне не хотелось и думать. Свое коварство по отношению к близкому человеку я оправдывала тем, что мне предстояло важное дело, некогда тут заниматься ерундой.

– Ах, вот, значит, ты как! – воскликнула тетя Мила растерянно. – Ну тогда... тогда, как проголодаешься, вари себе сама. И не спрашивай у меня ничего больше.

– Да легко, – буркнула я и закрыла за собой в комнату дверь. Похоже, тетя купилась. Водрузив поднос на стол, я бухнулась в кресло, включила компьютер и, пока он «разогревался», занялась кексами. Кофе, приготовленный тетей, имел слабый привкус спиртного, отчего, на мой взгляд, сильно проигрывал перед другими замысловатыми рецептами этого напитка. Тетя вечно экспериментировала, выискивала что-то новое и необычное. Этот эксперимент ей не удался.

Отставив бокал в сторону, я погрузилась в виртуальный мир Интернета. Первое, что я сделала, это поискала упоминания о банке «Волжский» в прессе. Я рассчитывала обнаружить что-нибудь скандальное, например, заказные статейки конкурентов, но просчиталась. Несколько крохотных заметок – и все хвалебные. В одной сообщалось, что банк «Волжский» выступил спонсором праздничного концерта в День города. В другой – банк спонсировал проведение художественной выставки. В третьей – организовал боксерский поединок. В четвертой – оснастил компьютерный класс в деревенской школе.

Единственным темным облачком на лазурном небосклоне для «Волжского» была статья про покушение на Конюкова – краткая, изложенная сухим языком милицейских сводок:

«Такого-то числа, в десять часов неизвестный, находясь в подъезде дома по улице Чекистов, тридцать пять, через окно второго этажа произвел выстрел предположительно из снайперской винтовки в окно дома напротив, где располагался офис банка „Волжский“. Выстрелом был ранен руководящий работник этого банка. Преступник с места преступления скрылся. Ведутся его поиски. По словам сотрудника правоохранительных органов, покушение связано с профессиональной деятельностью потерпевшего. Раненый доставлен в медсанчасть. Медики оценивают его состояние как стабильное. Угрозы для жизни нет. Наверное, в Тарасове начнется очередной передел собственности».

И все! Очевидно, руководство банка, не нуждавшегося в подобного рода рекламе, замяло дело в прессе.

Я по памяти восстановила местность этого участка улицы Чекистов. Банк «Волжский», как мне помнилось, занимал два первых этажа новой четырнадцатизэтажки. Перед банком – стоянка для служебного транспорта. Напротив, через узкую улицу, – девятиэтажный дом. Из его подъезда и стрелял киллер. На первом этаже – кафе «Чеширский кот», где я встречалась с хозяином «Волжского». Место для покушения почти идеальное. Хороший обзор. Перед кафе у игровых автоматов всегда толпится народ. У убийцы было два варианта: снять жертву при входе в здание или дождаться, пока тот откроет окно в своем кабинете. Через стеклопакет пластикового окна из снайперской винтовки ни один профессионал стрелять не стал бы – велика вероятность промахнуться. Сделав дело, убийца спокойно выходит из дома. Тут же у кафе ловит такси и уезжает.

Минусов этого места два. Первый – в подъезде жилого дома ходят люди, и снайперу, поджидая удобного момента, пришлось бы дежурить без маски, чтобы не вызывать подозрений жильцов. Собранное ружье он маскировал, вероятнее всего, в каком-нибудь футляре для музыкальных инструментов или какого-либо оборудования. Маскировка под работника коммунальных служб, геодезиста, связиста – самая безопасная.

Но проблема вся в том, что если преступник не загримировался, то найдутся свидетели, способные описать его лицо. Одна зацепка для меня есть.

Вторая причина, почему место не совсем подходящее для снайпера, – у входа в банк обычно устанавливаются камеры. А улица достаточно узкая, и при отходе снайпер непременно попал бы в объектив одной из них. Это вторая зацепка. Я решила сначала переговорить с Конюковым, а уж затем проверять зацепки через знакомых в милиции. Если же милиция ничего не нашла, то придется докапываться до всего самой. Посмотрев на часы, я позвонила Кравцову, директору «Молочных рек», и справилась у него, действительно ли он советовал некоему Конюкову обратиться ко мне. Кравцов был страшно рад моему звонку. Он сразу предложил встретиться и вспомнить старые времена. Вспоминать мне те времена особо не хотелось. Они больше смахивали на страшный сон. Поэтому я вежливо отказалась и повторила свой вопрос.

– Конечно, я вас посоветовал, – радостно забасил в трубку Кравцов, видать, уже не раз успевший приложиться к своим запасам коньяка в кабинете. – Евгения Максимовна, мое предприятие тесно связано с «Волжским», а Андрея я знаю чуть ли не с пеленок. Жили в одном дворе. Я, как вся эта кутерьма завертелась, сразу сказал Генриху, к кому надо обращаться, а он: «Служба безопасности у меня на что!» Вот и допрыгались.

– И до чего они там допрыгались? – спросила я как бы невзначай.

– Ну, Генрих дома лежит, его прямо на работе отравили каким-то дерьмом, Андрея подстрелили, – ответил Кравцов все так же жизнерадостно. – Подробностей я не знаю. Эти чудики от меня все скрывают, а Генрих, лопух, меня подозревает. Вроде я руку приложил из-за акций молочного комбината. Мы же совладельцы.

– Я в курсе. – Сделав паузу, я спросила: – Так, значит, вы ни при чем?

– Побойтесь бога, Евгения Максимовна! – воскликнул Кравцов изумленно. – Стал бы я тогда Андрею советовать нанять вас. Я же знаю, на что вы способны.

Интуиция подсказывала, что он не врет. Директор «Молочных рек» не был способен на столь хитроумные планы. Мне удалось его изучить достаточно хорошо за две недели, что я его охраняла. Попрошавшись с ним, я стала готовиться к визиту в больницу. Несмотря на то что информация Конюкова подтвердилась, там меня все равно могли ждать сюрпризы. Существовала большая вероятность того, что за больницей наблюдают не только сотрудники милиции. По какой-то причине неизвестные, организовавшие покушение, не доводят дело до логического конца, но это не значит, что они отступились. У них есть план, которого мне пока не понять – маловато информации.

С размышлений над делом Конюкова я переключилась на создание образа, способного обмануть «наружку» вокруг больницы. Чтобы не изобретать велосипед, вытащила из стенного шкафа костюм медсестры. Стерла с лица остатки косметики, затем из тайника в спинке кровати вытащила студенческий билет Тарасовского медицинского университета. Взяв за основу свою подкорректированную фотографию, вклеенную в билет, я стала менять внешность.

От природы у меня темно-каштановые волосы средней длины – в данной ситуации слишком ухоженные и привлекательные. С некоторым сожалением я спрятала их под светлый парик из длинных пожухлых, словно солома, волос, собранных на затылке синей резинкой в конский хвост. На зубы поставила желтоватые накладки, имитирующие их кривизну, а выразительные голубые глаза скрыла под безобразными очками в роговой оправе. Пригляделась – вроде неплохо. Из оперативников если кто меня и помнил, то смутно, преступники же, по идее, вообще не должны были меня знать. Чтобы никто не взглянул на меня дважды, я с помощью грима быстро придала лицу измученный вид, изобразила под глазами синяки. Теперь одежда. В «Ворошиловке» нам, студенткам, сотни раз говорили, что агент, маскируясь, должен уделять внимание мелочам. Строгое следование этому совету не раз спасало мне жизнь. Поэтому острыми концами кусачек из косметического набора я поцарапала маникюр. В процессе подготовки он и так пострадал, но я не успокоилась, пока не сделала еще хуже. Часы сменила на более деше-

вые, выдавшие виды, с обшарпанным корпусом. Надела бордовую блузку, темно-серую юбку чуть ли не до пят, а поверх нацепила белый медицинский халат, на голову – белую шапочку. Из зеркала на меня смотрела практикантка-неумеха. Я несколько раз улыбулась разными способами, сказала своему отражению пару фраз, подбирая соответствующий образу голос:

– Я от Бердянского, из меда, меня направили сюда для прохождения практики. Я от Бердянского, из универа, практикантка.

Присев к компьютеру, в два счета выписала себе направление на практику, распечатала, подписалась за ректора и, сложив вчетверо, присовокупила его к студенческому. Из шкафа достала рыжую потертую сумочку, сунула в нее косметичку, два сотовых и другие необходимые для любой девушки мелочи, включая набор отмычек, электрошокер, газовый баллончик с нервно-паралитическим газом и револьвер. Конечно, таскать оружие в сумочке не дело, но кобура под медицинским халатом слишком заметна. Я немного потренировалась перед зеркалом, выхватывая револьвер из сумочки. Дважды он зацеплялся.

Вздыхнув, я для страховки укрепила на внутренней стороне бедра кобуру с миниатюрным пятизарядным пистолетом «мальш», предназначенным для скрытого ношения. На запястье защелкнула браслет с замаскированными в нем метательными лезвиями. В памяти были еще свежи воспоминания о таком же невинном визите в больницу к клиенту, который закончился боем с бандой убийц, бегством и длительной погоней.

Мои глаза вновь обратились к часам. Я дала себе еще десять минут на подготовку, съела на дорожку тетин кекс, запила его кофе, закурила и с сигаретой в зубах потянула к себе коробку с обувью из-под кровати. Из всего многообразия мне по вкусу пришлось белые туфли, больше похожие на тапочки. Они отлично подходили ко всему остальному. Напялив их, я прошлась по комнате, еще раз посмотрела на себя в зеркало и, повесив на плечо сумку, вышла из комнаты.

На шорох из кухни выглянула тетя Мила.

– Женя, ты что, уходишь? – В голосе ее звучало беспокойство. Заметив мой наряд, она занервничала еще больше: – Опять дело, да? Господи, когда же это кончится? Ты там осторожнее.

Обычная песня. Я вздохнула, сняла в коридоре с крючка ключи от входной двери. Тетя подозрительно взглянула на меня и со страхом спросила:

– А ты вернешься? То есть я имею в виду, когда ты вернешься?

– Не знаю когда, – буркнула я в ответ, так как действительно не знала. Случиться могло все, что угодно.

– Но ты же вернешься? – не отставала тетя Мила, цепляясь за мой халат. – Если ты обиделась из-за салата, то я не хотела плохого.

– Ай, забудь, – махнула я рукой и, притянув ее к себе, обняла. – Тетя, разве я могу обижаться на тебя из-за какого-то салата. Да это просто ерунда!

– Ой, Женя, а я подумала, что ты обиделась и решила уйти, – всхлипнула тетя Мила.

– На что ж обижаться? – проговорила я ласково. – Ну не получился у меня салат, так не получился – с каждым может быть. Ты честно высказала свое мнение. Я тоже буду с тобой честной и признаюсь, что кофе у тебя неудачный вышел из-за водки. Паленую, наверное, подсунули. Привкус противный.

– Что?! – пораженно прошептала тетя Мила, отстраняясь. – Я делала все по рецепту.

– Да кто на эти рецепты смотрит, – пожалала я плечами, копируя тетю.

– А, я все поняла, – сузив глаза, прошептала тетя Мила, глядя мне в лицо. – Это мсть. Ты мне мстишь.

– Да разве я способна на такое, – усмехнулась я. Не дав тете развить тему, чмокнула ее в щеку и выскочила за дверь, на прощанье обещая звонить, если что.

– Будь осторожнее и не связывайся со всякими мерзавцами! – кричала мне вдогонку тетя. Оказавшись на улице, я прошлась немного пешком до стоянки, где стоял мой темно-вишневый

«Фольксваген». Солнце успело пройти зенит и уже клонилось к закату, растеряв большую часть жгучих лучей, что поливали Тарасов с половины десятого утра. Жаркие волны теперь исходили снизу от раскаленного за день асфальта. По моим прикидкам, его температуры вполне хватит, чтобы пожарить яичницу. И это конец августа. А на Кубани вообще сорок девять в тени. Тарасову еще повезло – всего каких-то тридцать семь несчастных градусов.

На стоянке от блестевших на солнце машин исходил жар. Из-под «Волги», припаркованной у въезда, на меня глянул серый дымчатый кот и тоненько, жалобно мяукнул, сетуя на свое невыносимое существование. Сторожевые собаки, валявшиеся по другую сторону в тени сторожевой будки, на его мяуканье лениво гавкнули несколько раз, проводили меня мутными глазами и уронили головы на землю, измотанные жарой.

Я прошла мимо них к «Фольксвагену», незаметно оглянулась по сторонам, достав из кармана зеркальце в металлической оправе на складной телескопической ручке. Раздвинув ручку на всю длину, поводила зеркальцем под машиной, исследуя днище на предмет взрывных устройств, перерезанных тормозных шлангов и других пакостей, грозящих моей жизни. Количество врагов, коими я обзавелась в Тарасове, оправдывало такие предосторожности. Многие из моих врагов, конечно, в данный момент находились в местах не столь отдаленных и даже не догадывались, кто их туда упрятал. Но, несмотря на мои старания, сидельцы могли как-нибудь докопаться до истины, и тогда жди беды. Я готовилась к этому заранее, чтобы не быть застигнутой врасплох.

С днищем был полный порядок. Отключив сигнализацию, я заглянула под капот. Тонкий слой пыли на деталях, маслянистая грязь – ничто не указывает на чужое вмешательство. Осмотрела салон, багажник, уселась, завела двигатель и лишь затем отключила блок глушения, который препятствовал взрыву машины дистанционно. Заделанный под приборную панель, он был незаметен, питался от аккумулятора и глушил все сигналы, направленные на машину, кроме частоты отключения сигнализации.

Я плавно вырулила со стоянки. Немного покружила по городу, проверяя наличие «хвоста», и уже потом, со спокойной душой, покатила к медсанчасти.

2

Машину я оставила за квартал до места на платной стоянке. До медсанчасти дошла пешком. Миновала проходную, не возбудив ни малейших подозрений, вошла во двор, вымощенный бетонными плитами. Больные в пижамах прогуливались между клумб с завядшими от жары цветами, сидели на лавочках под старыми молчаливыми в эту безветренную погоду тополями. Главная дорога, по которой подъезжали машины «Скорой помощи», шла через тополиную аллею и кольцом опоясывала главное пятиэтажное здание из белого кирпича. Перед главным корпусом за небольшой площадкой для «Скорых» располагалась маленькая аптека, а дальше за ней мрачное приземистое здание морга. Проверка окрестностей не выявила ничего подозрительного. Только на площадке у аптеки я заметила «Жигули»-«десятку» с милицескими номерами. Внутри сидели два молодых парня в штатском. Шофер курил, стяхивая пепел в окно, а его сосед с озабоченным видом разговаривал по сотовому телефону.

Я уверенно направилась к широкому крыльцу. Открыв массивные двери, вошла в вестибюль. Дежурившие у лестницы верзилы в синевато-серой пятнистой униформе охранников даже не взглянули в мою сторону. Проществовав мимо них, я зашагала вверх по лестнице. Экстренная хирургия находилась на втором. Из кармана я достала марлевую повязку и намеревалась нацепить ее на лицо, как вдруг наткнулась взглядом на вывернувшего из тамбура второго этажа старшего следователя следственного управления УВД Земляного Вячеслава Юрьевича. В темных отглаженных брюках, светлой рубашке, подчеркнутой бордовым галстуком, он с папкой под мышкой топал вниз. Как обычно, грустный. Коротко остриженные волосы с проседью чуть взъерошены. За ним спускался следователь из УБОПа Петерсон, высокий плечистый блондин в светлом костюме, пиджак от которого он перекинул через плечо. У обоих португеза поверх рубашек, на боку пистолеты в кобуре.

Я поспешно отвела глаза, но успела заметить, как голубые глаза Земляного скользнули по мне. Петерсон же, занятый своими мыслями, смотрел под ноги. Спокойно прилаживая на лицо марлевую повязку, я прошла мимо, повернула в тамбур, ведущий в правое крыло. В открытых стеклянных дверях мелькнуло отражение Земляного. Он стоял на лестнице и подозрительно смотрел мне вслед. Но вот я уже в коридоре с рядами палат по правую сторону. Слева пост дежурной. Медсестра на секунду оторвалась от кроссворда в журнале, глянула на меня и вернулась к своему занятию, не издав ни звука.

У двери в палату клиента меня настиг Земляной. Он, как ему казалось, неслышно приблизился со спины и схватил меня за плечо со словами:

– Одну минуточку, объясните-ка, с какой целью вы находитесь здесь.

– Меня Евстюхов Всеволод Вячеславович отправил посмотреть, как чувствует себя больной в этой палате, – соврала я, меняя голос. Объясняться со следователем мне чертовски не хотелось.

– Так, документы! – грозно потребовал Земляной, бесцеремонно сорвал повязку у меня с лица и воскликнул, приглядевшись: – Вот оно что! Евгения Максимовна, а я уж решил, что задержал киллера, преследующего Конюкова. Что за маскарад? Опять что-то замышляете?

– Я тоже рада вас видеть, – пробормотала я невесело.

– Рады, – жестко ухмыльнулся Земляной. – Оно и видно. Отвечайте, зачем вы здесь, или придется проехать, куда следует.

– Я взялась охранять Конюкова, и он мне по телефону назначил встречу, – нехотя ответила я. – Если вы не против, то я пройду. – Я двинулась к двери, но следователь придержал меня рукой.

– Евгения Максимовна, я попрошу вас не устраивать тут черт знает что! – сказал он, интимно понизив голос. – Чтобы никаких перестрелок, взрывов, газа. Не смейте его никуда

вывозить без моего ведома, иначе я за себя не ручаюсь. Если что случится, мне за это дело головы не сносить. Вам тоже тогда несладко придется.

– Что, Портняжный всех на уши поставил? – спросила я с пониманием. Земляной в ответ лишь сердито фыркнул и запыхтел. Из туалета вышел шуплый остроносый паренёк в милицеевской форме с погонами младшего лейтенанта.

– Почему не на посту? – рявкнул на него следователь.

– Я это, в туалет ходил, – залепетал, оправдываясь, охранник. – Я же не могу целый день тут...

– Где второй? – оборвал его следователь.

– Он пошел сигарет купить, – пробормотал охранник.

– Ну, еще раз такое случится, что вас двоих не будет на посту, – пеняйте на себя! Ваше начальство с вас шкуру снимет! Будьте уверены, я доложу в РОВД, – разом выпалил Земляной зло и посмотрел на меня. – Видите, что творится. Вот так и живем.

– Вячеслав Юрьевич, можно у вас спросить кое-что? – вставила я осторожно.

– По делу, – догадался он, кивнув в сторону палаты. Я кивнула. Он вздохнул и повлек меня за собой в маленький коридорчик перед операционной. Я объяснила, что меня интересуют подозреваемые, кого проверили, кого нет, и как идут поиски стрелка.

– Если говорить о подозреваемых, то в первую очередь я подозревал самого Конюкова. – Видя мой удивленный взгляд, он пояснил: – Все началось же намного раньше покушения на вашего клиента. Сначала отравили Портняжного, владельца банка «Волжский». Сразу появилась версия, что это кто-то из своих. Отвечу почему: травил солью тяжелого металла и несколько раз. Раза три-четыре некто подсыпал яд в кофе. Человеку со стороны проникнуть в охраняемый офис и осуществить это практически невозможно. Портняжный в течение месяца чувствовал постепенное ухудшение состояния здоровья, а потом вырубился прямо в кабинете. В тот день в обед он отпустил секретаршу и кофе делал сам. Попил, сполоснул чашку и упал на пол у умывальника. Потом вернулась секретарша и обнаружила шефа, вызвала «Скорую» и милицию. Осмотр места преступления не выявил в кабинете Портняжного следов посторонних лиц, кроме отпечатков пальцев работников банка, ничего не обнаружили. На столе нашли несколько капель кофе, содержащих яд – сульфат кадмия. В банке кофе в шкафчике следов яда не нашли.

– Преступник вернулся и подменил банку, – догадалась я.

– Верно, – согласился Земляной, – на банке были отпечатки Портняжного, а отпечатков секретарши не было, хотя это была ее обязанность. Преступник вошел, достал подготовленную банку кофе и откатал на ней пальчики Портняжного, а затем заменил ею ту, что содержала яд, и вынес из офиса. Портняжный еле выкарабкался с того света, но стал инвалидом. Отказывают и почки, и печень, и с головой проблемы. Секретарша тоже отравилась, только в меньшей степени. Портняжный любил крепкий, а секретарша заодно заваривала кофе и себе, но послабее.

– Но почему вы заподозрили Конюкова? – не удержалась я от вопроса.

– Потому что смерть Портняжного была ему выгодна, – ответил Земляной. – Все просто. Портняжный умирает. Банк переходит к его жене, которая является сестрой небезызвестного вам господина Кравцова. А у Кравцова с Конюковым дружба не разлей вода. По совету брата госпожа Портняжная ставит управляющим банка Конюкова, и он в шоколаде.

– Но что, если вдова Портняжного не станет прислушиваться к совету брата? – с сомнением спросила я. – Об этом вы не подумали?

– Это была одна из наших версий, – недовольно поморщился следователь, – вскоре она отпала. Портняжный пришел в себя в больнице и сообщил, что сам намеревался в скором времени поставить Конюкова управляющим. Потом еще покушение на Конюкова. Портняжный, пока последний находится в больнице, назначает управляющим начальника департамента коммерческой безопасности господина Мясницкого. Я спросил у Портняжного о причинах. Он

ответил, дескать, банк не должен оставаться без руководства, а Мясницкий старый проверенный работник.

– Ну, а ваши действия, – поинтересовалась я, поглядывая на часы.

– Стали искать дальше мотивы и подозреваемых, – ответил Земляной, – под прицел попал Мясницкий. Он вполне мог организовать покушения. Потом, в свое время, Портняжный подвинул некую Тыртышную, поставил на ее место Конюкова, а ее задвинул в департамент по работе с вкладами и денежными операциями. У них в банке это считается вроде как понижением. Таким образом, Тыртышная имела зуб на обоих пострадавших. Есть еще версия, что все организовал Кравцов из-за акций молочного комбината, держателем которых был Портняжный.

– Вячеслав Юрьевич, версию с Кравцовым можете сразу отбросить, – посоветовала я следователю, пояснив, что Конюков нанял меня по совету директора молочного комбината.

– Это не довод, – упрямо заявил Земляной, – вы так говорите потому, что он был вашим клиентом.

– Все нет, – возразила я, – если у вас есть лишнее время – валяйте, тратьте его на заведомо ложную версию. Мне все равно. Но на вашем месте я бы рассмотрела вариант с бандажным наездом. Кто-то хотел отмыть бабки, а в «Волжском» его обломали.

– Эту версию я обязательно рассмотрю, когда появится время. Спасибо за совет. Сам бы ни в жизнь не догадался, – изображая голосом благодарность, проговорил Земляной.

– Ладно, а что со снайпером, стрелявшим в Конюкова? Там могли быть свидетели. Кто-нибудь смог описать его лицо? – перешла я на другую тему.

– Снайпер у нас приоритетное направление, – ответил следователь, открывая папку. Оттуда он вытащил распечатанный на принтере листок с изображением лица мужчины лет тридцати, в круглых очках на умном с тонкими правильными чертами лица. Длинные темные волосы, стриженные под каре.

– Это фоторобот, составленный со слов жильцов подъезда, откуда работал снайпер. Свидетели утверждают, что киллер представлялся работником БТИ, говорил, что уточняет проектные размеры дома. Ружье он таскал в чехле вместе с треногой и длинной линейкой. Проверили БТИ – там о таком слыхом не слыхивали. Разослали ориентировки на него по всей области, трясем агентуру, шерстим притоны и подвалы. Проверяются снятые в этом месяце квартиры.

– Странноватый немного убийца, – заметила я, рассматривая фоторобот.

– В банке при входе есть камеры, – продолжал следователь, – думали, на них что-то будет, но там ноль, ничего. Десять раз пересмотрели. Наверное, ушел дворами на соседнюю улицу, поймал машину и был таков. Опрашивали таксистов – никто киллера не подвозил.

– Сидите, значит, глухо, – кивнула я. – А в подъезде следы, отпечатки, гильзы, хоть что-нибудь нашли?

– Нет, – понуро ответил следователь, – чистая работа. Из-за этого «Волжского», провалясь он пропадом, генерал с меня не слазит. Каждый день таскает в кабинет на разбор полетов, говорит, что ему все время из Москвы названивают и даже сам замминистра.

– Да вы что! – Я комично округлила глаза.

Земляной посмотрел на меня с трагическим видом и, махнув рукой, буркнул:

– Кому я вообще рассказываю. Вам все по барабану. У меня недобрые предчувствия в связи с этим делом и с вами. – Он сердито сдвинул брови, насутился и, понизив голос, произнес: – Запомните, об этом разговоре никто не должен знать. Я рискую своим служебным положением.

Я закивала согласно, стараясь показать, как за него переживаю. На самом же деле следователь делился со мной оперативной информацией вовсе не по доброте душевной. Он надеялся, не мараясь, моими руками решить свою проблему. В деле были замешаны слишком серьезные люди, и малейшая промашка для Земляного могла закончиться печально. Я, в отли-

чие от следственных органов, действовала быстро и эффективно, без проволочек, бумажной волокиты и разборок с высокооплачиваемыми адвокатами подследственных.

Если что, у Земляного всегда будет оправдание – это не он, а какие-то тайные силы вмешались в ход расследования и потревожили важных персон. Его, конечно, в этом случае взгреют, но не уволят, ведь не он лично сунулся к «священным коровам».

– Ладно, идите к своему клиенту, мне некогда тут с вами лясы точить, – сварливо сказал Земляной, застегивая папку. Мы вместе дошли до дверей в палату Конюкова. Следовательно, попрощавшись, двинулся дальше, а я вошла в палату.

Типичная одноместная палата для VIP-персон: холодильник, телевизор, микроволновка плюс ванная комната с полным набором сантехники. С едва слышным гудением кондиционер нагнетал в комнату прохладный воздух. Из стереосистемы зазывно пели «Блестящие» под свои сказочные восточные танцы. Конюков в синей пижаме, сидевший на разобранной кровати и чистивший апельсин, при моем появлении вздрогнул, поднял голову и посмотрел по-детски испуганно. Лет тридцать, симпатичный, нормального телосложения – не громила, но и не задохлик. Его светло-русые волосы были аккуратно зачесаны на прямой пробор. Над серыми глазами густые черные брови. Овальной формы лицо – хорошо загорелая кожа. Треугольный, немного выдающийся вперед подбородок, поросший трехдневной щетиной. Четко очерченные нормальной полноты губы. Крупный прямой нос, заостренный на кончике. Одним взглядом оценив его, я подошла к окну и выглянула сквозь закрытые жалюзи на улицу.

– Не открывайте окно, – нервно выкрикнул Конюков мне в спину. Я ответила, что не собираюсь, и тогда он настороженно спросил: – Вы вообще-то кто такая?

– Я-то? – Повернувшись к нему, я улыбнулась и, не спрашивая, выключила стереосистему, чтобы музыка не мешала разговаривать: – А вы не догадываетесь?

– Н-н-ет, – бледнея, вымолвил Конюков. В глазах его шевельнулся ужас, а тело напряглось. Не знаю, помнил ли он в тот момент о столовом ноже, зажатом в правой руке, но я решила не доводить до греха и призналась: – Вы мне звонили. Телохранили, Охотникова Евгения Максимовна. Ну что, есть какие-нибудь проблески в сознании?

– Помогите! – внезапно заорал Конюков, выставив вперед нож. – Охрана! Предупреждаю, не подходите ко мне – я ударю.

– Да что на вас нашло? Я не собираюсь причинять вам вреда, – в доказательство я продемонстрировала клиенту пустые руки, – костюм медсестры – это чтобы разведать обстановку вокруг больницы. Успокойтесь. Мы договорились с вами о встрече.

– Нет, врешь! – Клиент выхватил из кармана мобильный. – У меня есть фотография Охотниковой, и ты, стерва, на нее не похожа.

В палату вломился дежуривший в коридоре лейтенант.

– Так, что тут происходит? – Хмурясь, он тупо посмотрел на нас обоих. Рука – на кобуре с пистолетом.

– Ничего особенного, – отозвалась я с обезоруживающей улыбкой, – больной отказывается мерить температуру в заднем проходе. Может, поможете мне, поддержите его?

– Что за бред, – зло буркнул Конюков. Его глаза перескакивали с моего лица на фотографию в экране мобильного телефона. – Она все врет! Это убийца.

Посмотрев на столовый нож в руках подопечного, лейтенант неуверенно предложил:

– Вы бы ножик-то опустили.

Он видел меня со следователем, поэтому усомнился в словах Конюкова. Последний между тем хмурился все больше и больше, видно, подмечая сходство фотографии с оригиналом.

– Идите, мы тут сами разберемся, – сказала я ласково переминавшемуся с ноги на ногу лейтенанту.

– Вы волосы покрасили? – с сомнением спросил у меня Конюков, опуская нож. – И очки...

– Читала в темноте, – пояснила я весело, – а зубы от конфет испортились.

– Я тогда пойду, что ли? – спросил лейтенант.

– Идите, – выдохнул Конюков с облегчением и, взглянув на меня, учтиво добавил: – А вам новая прическа очень даже идет. – Затем медленнее: – Помолодели лет на десять...

Дверь за лейтенантом захлопнулась. Я стащила с головы парик и сурово спросила:

– А так что, постарела на десятилетие? – Сняла очки, вынула изо рта зубные накладки.

Клиент был в шоке.

– Не будем переливать из пустого в порожнее и сразу перейдем к делу, – предложила я, присев в кресло для посетителей. – Для начала вздохните и расслабьтесь. Вы в безопасности. Я проверила местность, прошлась по больнице – ничего подозрительного. У дверей охрана. Снайпер вас здесь не достанет – позиция неудобная, соседние дома так расположены, что не прицелишься, да еще деревья перед окнами. Перед визитом мне удалось кое-что разузнать по вашему делу. Я уже наметила круг подозреваемых, но хотела услышать, кого вы считаете организатором покушения.

– Извините. Что-то как-то все стремительно, – пробормотал Конюков, разглядывая апельсин в своей руке, – ладно, дайте собраться с мыслями. – Когда он двигался, халат немного распахнулся. Обнажилась забинтованная грудь. Неосознанным движением он запахнулся, вопросительно посмотрел на меня: – Думаете, меня действительно тут не достанут?

– В конце концов, я же рядом, или вы мне не доверяете? – усмехнулась я. – Без взаимного доверия у нас ничего не выйдет.

– Нет, я доверяю. – Пожав плечами, он разломил чищенный апельсин, предложил мне половину и, получив отказ, продолжал: – Говорите – кого я подозреваю? Кого тут можно подозревать, кроме каких-нибудь бандитов. Это же стиль мафиозных разборок.

– Интересно, когда вы успели перейти дорогу мафии, – вежливо осведомилась я.

Конюков сунул в рот дольку, пережевывая, задумчиво протянул:

– Ну-у, точно не скажу. Знаете, как бывает, приходят люди, просят отмыть пару чемоданов наличных. Отказываешься – начинают угрожать. Слишком тупые и жадные, не могут понять, что их схемы слишком примитивны, легко просчитываются налоговой. Я старался объяснить. Думал, получается. И Портняжный, у него слишком влиятельные друзья, чтобы кто-то решил пойти дальше угроз.

– А вот пошел все-таки, – напомнила я.

– Неделю назад ко мне приперся Тимур Хикматов – владелец лакокрасочного завода, – хотел взять крупный кредит под залог оборудования. Документы в порядке. Только не учел одного – молочный комбинат там, рядом, и Кравцов прямо из своего кабинета ежедневно видит, как на лакокрасочном хозяйничают «металлисты». Пошли проверить оборудование, а его нет. Тимур стал мне деньги совать. Я послал его. Не матом, конечно, – вежливо. Вечером звонок домой. Он же, опять предлагает долю, но больше. Отказался, а он стал грозить. Намекал, что мне и кирпич на голову может внезапно свалиться, и преступность кругом такая, что не успеешь оглянуться, как сунут перо под ребра, напомнил, что у меня жена есть. – Конюков печально посмотрел на меня, сунув в рот очередную дольку апельсина, и пробормотал: – Представляете себе, слушать такое?

– А вы что?

– Я ему говорю: извините, рад бы помочь, но все кредиты на такие суммы проходят через председателя правления банка и без его согласия ничего не выйдет. Я бессилён, – ответил Конюков, довольный своей находчивостью. – Этот тупица поверил. Я слышал – он потом и к другим начальникам департаментов наведывался, не знаю, дошел ли до Портняжного, однако его в банке больше не видели.

– Свалили всю ответственность на Генриха Августовича, – улыбнулась я.

– А что ему сделается! – запальчиво ответил Конюков, запнулся, потом виновато: – Ну кто мог знать, что его отравят? Я думал – не посмеют.

Я объяснила, что, каким бы крутым ни был человек, если он переходит дорогу даже мелкой преступной группе, которая готова действовать решительно, его непременно убьют. Спасти могут лишь принятые им превентивные меры. Портняжный уверовал в свою неуязвимость и поплатился. Затем я спросила, как относится клиент к версии следователя, что покушения организовал кто-то из своих.

– Мне кажется, это бред, – заявил Конюков. – Никто из наших не мог. Все солидные, серьезные люди, работают уже лет по десять. Нет, я в это не верю. Они не могли.

– Андрей Кондратьевич, сейчас время такое, что десятилетние ребятишки заказывают своих родителей, а уж коллеги по работе мочат друг друга на каждом шагу, – заверила я его. – Например, Тыртышную из-за вас Портняжный задвинул, Мясницкого вы почти подсадили, и если бы не ранение, то занимали бы вы сейчас кресло управляющего банком. Мне вот кажется, кто-то из них мог сильно обижаться, что молодого сотрудника так возносят.

– Может, вы и правы, – пожал плечами Конюков, – Мясницкий чуть ли не открыто называл меня выскочкой, а Вера Давыдовна вообще на дух не переносила, но она женщина...

– А для женщин травить врагов наиболее характерно, – парировала я. – В вашем случае она, естественно, кого-то наняла, сама не стреляла, а вот подсыпать яд в кофе мог только человек из офиса. Я согласна со следствием.

– Тот же Хикматов мог заплатить уборщице или еще кому-нибудь, – предположил Конюков.

– Согласна, однако версия слабоватая, – ответила я, размышляя над его словами. – Такое возможно, если у Тимура был свой человек в банке. Я это проверю. Кстати, почему Портняжный передумал и назначил на свое место Мясницкого, а не вас, как планировалось ранее? Его объяснение, что банк не должен оставаться ни на минуту без управления, не тянет. Коли так, то можно было временно, пока вы в больнице, Мясницкого назначить и. о. управляющего.

– Это из-за раздора Августовича с Кравцовым, – поморщился Конюков, – Аркадий заехал к Генриху Августовичу в больницу, и они тогда поссорились, наверное, как всегда, из-за денег. Последнее время у них натянутые отношения. Я же устроился в банк по рекомендации Кравцова. Делайте выводы сами.

– Все ясно, Андрей Кондратьевич, будем решать вашу проблему, – бодро сказала я.

– Евгения Максимовна, мы с вами почти одного возраста, может, перейдем на «ты», да оставим официальности? – предложил Конюков. – Зовите меня просто Андреем, а вас, если позволите...

– Нет. – Мой голос прозвучал твердо и непреклонно. – Нам с вами лучше сохранять дистанцию. Это лучше для дела.

Конюков безрадостно вздохнул, смирившись с моим решением.

– Ну, тогда, Евгения Максимовна, позвольте вас чем-нибудь угостить. Вы как бы у меня в гостях. Мне, право, неловко. Могу предложить чай, кофе, фрукты, мороженое, есть еще какие-то конфеты и печенье.

Он, встав с кровати, подошел к холодильнику, открыл дверцу, и я увидела, что камеры его забиты до отказа.

– Жена натаскала всего, думает, я слон, – пояснил он, достал тарелку с мясной нарезкой. – Будете?

Я отрицательно покачала головой.

– Если можно, то бокал гранатового сока. Вижу, жена заботится о том, чтоб вы быстрее поправлялись.

– Да, она такая, – кивнул он, наливая мне сок.

– А что врачи говорят? Когда вы поправитесь? Пуля вроде бы прошла удачно.

Он подал мне бокал, включил электрический чайник и ответил:

– Да, мне повезло, немного левее – и хана. Врач сказал: еще неделя или даже раньше. На мне вообще все заживает как на собаке. Буду, если что, долечиваться дома. В квартире, мне кажется, побезопаснее, чем здесь.

Пока Конюков возился у столика, готовя себе бутерброд, я размышляла над полученной информацией. Она не очень отличалась от слов следователя. Главным подозреваемым, безусловно, был Мясницкий. Почему преступник не добил своих жертв? Конюков находился без сознания, в больнице, где так легко устроить несчастный случай, и милицейский пост тут ни при чем. Профессионала подобными мелочами не испугать. Дело в том, что преступник уже добился, чего хотел. Мясницкий целил в председатели правления, и он им стал. Если он не при делах, тогда следует приглядеться к госпоже Тыртышной. Ей также могло хватить того, что Портняжный стал инвалидом, а мой клиент, отправившись в больницу, лишился кресла.

Исчерпав эти версии, я бы перешла к Хикматову. Парень, похоже, бесцеремонный. Конюков прокатил его с кредитом, и тот, естественно, затаил обиду. Нормальный бы человек плюнул на это, но вдруг Хикматов не из таких? Кликнул своих знакомых урок, и готово. А что дальше? Конкуренция? Возможны ли такие разборки в среде банкиров? Я попросила клиента ответить на этот вопрос.

– Нет, мне кажется, таких диких банков у нас в области нет. У «Волжского» устойчивое положение. Конечно, конкуренция в последнее время усилилась, особенно в области потребительского кредитования населения. Эту услугу сейчас предлагают почти все банки, так как она наиболее востребована и приносит наибольшую прибыль при минимальном риске. У нас сейчас четвертая часть кредитного портфеля банка – кредиты физическим лицам. Просроченная задолженность два с небольшим процента. Просто сказка! И темпы роста – тридцать один раз за год. Пока всем хватает. По другим традиционным операциям: ведение расчетных и валютных счетов, осуществление расчетов, привлечение и размещение денежных средств – у нашего банка давно сложился круг постоянных серьезных клиентов. Это крупные промышленные предприятия, организации и бизнесмены. Трения с другим банком могли возникнуть, если бы мы переманили кого-нибудь из их клиентов или хапнули выгодный инвестиционный проект, но такого вроде бы не было. Я не слышал, по крайней мере.

– Что, неужели никаких проблем? – восхитилась я. – Мне что-то не верится.

– Ну, у Портняжного личная неприязнь к Муфтахетдинову, хозяину ЗАО «Поволжский Кредит-Банк», – вспомнил Конюков, заваривая себе кофе из пакетика. – У них там что-то личное, и на работе банка это никак не отразилось.

«Если упрусь в стену, проверю и это», – сказала я себе мысленно, а вслух попросила у клиента мобильник, посмотреть свою фотографию.

– Когда Аркадий прислал ее, я не поверил своим глазам, – сообщил Конюков, протягивая телефон. – Подумал, что он пошутил, взял кадр из какого-то фильма, а мне причесывает – вот, мол, у меня была такая телохранительница, что закачаешься.

Я взглянула на цветной экран сотового и почувствовала легкое беспокойство от увиденного. Кравцов, наверное, снимал меня на камеру в своем телефоне, а я даже и не заметила в этот момент, занимаясь спасением его жизни. На фото я во всей красе: в костюме с юбкой выше колена; ноги расставлены, в руке револьвер, обращенный дулом кверху; готова в любой момент сорваться с места. На заднем плане обстановка офиса директора молочного комбината. Зная тщеславность Кравцова, я предположила, что такие фотографии, или еще почище, уже находятся в мобильных телефонах всех его коллег по бизнесу. Надо срочно что-то делать, пока меня не начали узнавать на улице. Известность, как у фотомодели, в моем деле совершенно излишня. Вернув Конюкову сотовый, я ядовито спросила:

– А Аркадий Никифорович случайно не рассказывал, как мы с ним ходили в сауну, или другие интимные подробности?

– Нет, нет, ничего такого, – поспешно ответил клиент, и глаза его метнулись в сторону, прочь от моего горящего взгляда. По его поведению я поняла, что даже в самых жутких фантазиях не смогу представить того, что обо мне и о себе рассказывал всем болтун Кравцов. Вот подонок! При случае он жестоко поплатится за свои фантазии. Глядя на Конюкова, я ледяным голосом произнесла:

– Если у вас, Андрей Кондратьевич, были на меня какие-то виды, то советую выбросить это из головы. Я занимаюсь защитой и расследованиями. Ничем кроме этого. За любое домогательство без предупреждения ломаю руку.

– Да я, я бы никогда... я ведь женат, – запинаясь, заговорил Конюков, – у меня счастливый брак, мне нужна только защита от бандитов. В меня же стреляли.

– Хорошо, поверю, – пошла я на попятную. – Как мы с вами поступим с оплатой? Я бы предпочла не оформлять официальный договор. Если же вы настаиваете на договоре, то плюсуйте к сумме тринадцать процентов.

– Обойдемся без договора, – мгновенно ответил Конюков. Он заварил кофе, размешал и, приблизив чашку к губам, с наслаждением втянул кофейный аромат. Мои уши уловили быстрые шаги в коридоре. Шаги смолкли у двери в палату. Послышались едва слышные голоса, незнакомый – женский – и голос охранника. Когда следом распахнулась дверь, моя рука нырнула в сумочку к револьверу. Конюков от неожиданности подпрыгнул и расплескал кофе на пол. Вид вошедшей молодой женщины в небрежно накинутом на плечи халате говорил о том, что к медперсоналу она не имеет никакого отношения. Платиновая блондинка, длинные прямые волосы ниже плеч идеально уложены. Гладкое, почти кукольное, без морщинок лицо, напоминающее красавиц из модных журналов: большие карие глаза, правильной формы маленький, чуть вздернутый нос, невероятно пухлые губы, приятный оливковый цвет кожи, но все какое-то ненастоящее. От ее красоты веяло холодом. Под халатом блузка с эффектным декольте. Грудь, наверное, пятого размера, напоминала два грейпфрута, которые запихали под кожу. Белые облегающие «бермуды» и туфли с высокой шнуровкой.

– Здравствуйте, – коротко бросила она, равнодушно скользнув по мне взглядом, потом положила принесенный пакет на тумбочку.

– Евгения Максимовна, познакомьтесь – это моя жена Анжела, – расплылся в блаженной улыбке Конюков. Анжела, приблизившись, вырвала у него из рук чашку и выплеснула содержимое в раковину, строго отчитав при этом:

– Андрей, врач же сказал, что тебе нельзя кофе. Откуда ты его взял? – Мое присутствие ее несколько не смущало. Конюков промычал что-то о соседе, который оставил пакетик в тумбочке. Да и запрет на кофе, по его мнению, глупость несусветная.

– От кофе и от чая садится сердце, ты разве не слышал, что сейчас инфаркты встречаются уже у двадцатипятилетних, – назидательным тоном продекламировала она. Глаза ее, устремленные на мужа, подозрительно сузились. – Андрей, а ты не слишком ли расхотелся? Тебе надо лежать, набираться сил.

– Врач сказал, что надо ходить, чтобы не было застоя в легких, – попытался робко возразить Конюков, присаживаясь на край кровати.

– Тогда, конечно, ходи, и чем больше, тем лучше. – Она приблизилась к окну с пультом от кондиционера, понажимала кнопки, изменяя режим, пояснив мужу: – У тебя в палате холод, как в Арктике. Ты что, хочешь заболеть? Тебе сейчас только температуры не хватало. Организм в ослабленном состоянии, и любая простуда может плохо закончиться.

– Ой, да ладно тебе уж раздувать, – сказал Конюков с раздражением, криво улыбаясь и косясь в мою сторону.

– Тебе все шуточки, – обиженно поджала губы Анжела, – я тут для него в лепешку расшибаюсь, а он улыбается. – Наконец она удостоила меня пристальным взглядом и сварливо спросила: – Вы почему еще здесь? Делайте, что собирались, и уходите. Мне с мужем надо побыть наедине.

– Анжела, Евгения Максимовна моя телохранительница. Я ее сегодня нанял, – сообщил жене Конюков. Анжела ошарашенно посмотрела сначала на меня, потом на него, неуверенно переспросив: – Ты что сделал? Нанял ее? Это вот эта... телохранитель?

Рукой она сделала жест, по ее мнению, выразивший все чувства к моей персоне, – обвела сверху донизу, вопрошая:

– Она телохранитель, и ты ей будешь платить зарплату?

– Да, буду, – с упрямым выражением лица ответил Конюков, – ты ничего не понимаешь. Она в КГБ работала. Знаешь, как она проблемы Аркадия решила.

– Где мне уж, глупой женщине, понять! – с насмешкой воскликнула она, раскрыв пакет и выкладывая его содержимое на стол: пластиковые круглые емкости, заполненные чем-то похожим на салат; банку с оранжевым вареньем; пакет с сухарями и две упаковки сока. Выкладывая, она продолжала свой возмущенный монолог: – Главные проблемы твоего дражайшего Аркаши Кравцова – это то, что он пьет, проигрывает все деньги в казино и треплется по шлюхам. Мне очень жаль его жену. Не знаю, как она это все терпит. А ты едва вернулся буквально с того света и начинаешь чудить.

– Я, пожалуй, выйду и подожду в коридоре, – предложила я.

– Нет! – в один голос ответили супруги, а Анжела добавила: – Я еще не закончила. Наш разговор касается и вас, уважаемая телохранительница.

Мне не оставалось ничего другого, как остаться. С остатками сока в бокале я села в кресло. Анжела, вскрыв один из пластиковых контейнеров, сухо спросила, перекладывая его содержимое в тарелку:

– Сколько?

– Что сколько? – спросил Конюков, делая вид, что не понимает, о чем речь.

– Сколько ты обещал ей платить, – терпеливо переспросила она, кивнув в мою сторону. – И не говори – какая мне разница. Это наш семейный бюджет, и я имею право знать.

– Две тысячи в сутки, – спокойно ответил Конюков.

– Боже! – простонала Анжела, – ты сошел с ума. Она этого не стоит, уверяю тебя. Это обычная разводка на деньги. Она окрутила Аркадия, теперь взялась за тебя. – Анжела присела рядом с мужем на кровать и заговорила вкрадчивым голосом: – Андрей, а ты не забыл про мою маму, про ее операцию? Потом, тебе нужны деньги на лечение. Подумай, какие траты. Теперь еще эта телохранительница за две тысячи.

– Ты что, хочешь, чтобы меня убили? – мрачно спросил Конюков.

– Но она тебе не поможет! – почти закричала Анжела, тыча в меня пальцем. – Позволь, я сама обращусь в детективные агентства, подыщем тебе нормального телохранителя, мордоворота такого, что как даст – сразу башка отлетит. Ты посмотри, посмотри, как она одета – позор! Щуплая, а если на тебя правда нападут? Что она сделает?

– Я буду громко кричать и звать на помощь, – издеваясь над ней, сказала я, – знаете, как громко я умею кричать. Еще у меня есть свисток. Накрайняк расплачусь, может, пожалеют.

На секунду мне показалось, что Анжела сейчас бросится и вцепится мне в волосы. Глаза у нее были просто бешеные. Катастрофу предотвратил Конюков, решительно сказав:

– Все, не желаю больше разговаривать на эту тему. Я принял решение – Евгения Максимовна нанята. Если беспокоиться насчет денег, Анжела, – не переживай. Я решу вопрос. Хватит и тебе, и твоей маме.

Супруга сделала несколько попыток переубедить его, но они не увенчались успехом. Сдавшись в этом вопросе, Анжела решила отыгаться на питании моего подопечного. Приготовленный им бутерброд полетел в мусорную корзину.

– Ты хочешь нажать себе язву, питаюсь всухомятку? – гневно спросила она, ставя перед ним тарелку с тем, что я посчитала салатом. Это оказалось судаком с помидорами. Далее последовал борщ, тушеное мясо с айвой. Конюков ел без особого аппетита, сглатывая, морщился и касался груди, где, по-видимому, была рана.

– Что, болит? – встревоженно спросила его Анжела. Муж притянул ее к себе, обнял и поцеловал в щеку, бросив с деланой беззаботностью:

– Пустяки. Врач сказал, что еще долго останутся неприятные ощущения.

На его предложения присоединиться к трапезе я отвечала неизменным отказом. Мне казалось, что под ненавидящим взглядом Анжелы еда встанет у меня поперек горла. Раздуваясь от гордости, Конюков сообщил:

– Между прочим, все, что вы видите, готовила моя жена собственными руками.

Я выразила свое восхищение по этому поводу и украдкой еще раз рассмотрела Анжелу. В моем сознании ее образ никак не вязался с образом женщины, которая часто торчит на кухне у плиты. Потом я заметила, что ногти Анжелы, покрытые перламутровым лаком, коротко острижены. Может, и правда готовит? Внешний облик порой обманчив, как, например, в моем случае. Никто не верил с первого раза, что я телохранительница. Часто приходилось это доказывать делом. А все потому, что в «Ворошиловку» специально отбирали девушек моего типа: хрупких на вид, обязательно симпатичных, с чертами лица, которые легко менять с помощью грима. Когда-то надо быть яркой и соблазнительной, а в иной раз серой, незаметной мышкой.

– Когда тебе на перевязку? – спросила Анжела, поправляя волосы мужу.

– Завтра, сказали, – пробубнил он с набитым ртом.

– Андрей Кондратьевич, – обратилась я к клиенту, – интуиция мне подсказывает, что вам сейчас, пока вы находитесь в палате, опасность не угрожает. Поэтому предлагаю следующее: вы сидите здесь и не высовываетесь, а я быстро съезжу к Мясницкому, раз узнаю у него, что к чему. Если он виновен, то заставлю признаться. Слишком многое указывает на него.

– Как вы заставите? – удивился Конюков, отложив вилку. Идея показалась ему абсурдной. – Мясницкий раньше работал в милиции в УБЭПе и сам кого хочешь заставит.

– Доверьтесь, у меня в активе куча методов, – мягко улыбнулась я и подмигнула супругам, – если не помогут традиционные – в ход пойдет химия: скапаломин, первитин с этоминалом натрия в особой пропорции, старый, добрый пентотал натрия. Супротив правдодела еще никто не выдерживал. Хотя обычно раскалываются намного раньше.

– Вы только посмотрите на нее, какая крутая, – Анжелу просто подкинуло от переполнявших ее чувств, – нас потом из-за нее посадят. Андрей, точно тебе говорю.

Конюкова слова жены взволновали не на шутку.

– Вы уж как-нибудь поаккуратнее с ним, – попросил он.

Я заверила, что проделывала это десятки раз без последствий.

– Она тебе наговорит – слушай больше, – подначила мужа Анжела, – в тюрьме тебя научат штамповать металлочерепицу.

– Прекрати, без тебя тошно! – рявкнул на нее Конюков. Не выдержали нервы.

Я посмотрела на него и принялась объяснять, как надо вести себя в мое отсутствие:

– К окнам не подходить. Дверь запираете на ключ, а ключ оставляете в замке. Не отзывайтесь, если вас начнут звать из-за двери. Пусть визитеры сами называются и сообщают цель визита. Я проинструктирую охранников. Это на крайний случай. – Я протянула ему газовый баллончик и электрошок. – Газ нервно-паралитический. При распылении в закрытом помещении может попасть на вас и вырубить, так что сопоставляйте величину риска. Используйте только в безвыходном положении. При опасности первым делом звоните мне, затем в милицию.

– Да, у меня есть телефон оперативника, что дежурит внизу, – кивнул Конюков. Поблудневшая Анжела смотрела на меня расширенными глазами.

– Повторюсь, ничего страшного не должно случиться вообще, – добавила я, чтобы немного снять возникшую напряженность, – я не запугиваю, а хочу подготовить вас ко всем возможным сценариям. Но это не значит, что так будет обязательно. Вы, Анжела, остаетесь здесь с мужем?

Анжела услышала мой вопрос не сразу. Вздрогнув, она очнулась от своих мыслей и спросила:

– Что вы сказали?

Я повторила. Она замешкалась.

– Я... я собиралась сейчас к косметологу, но если надо, я останусь.

– Лучше останьтесь, – посоветовала я, – после косметолога вам же не надо сегодня на работу?

– Я не работаю, я домохозяйка, – с враждебностью и испугом в голосе ответила Анжела.

– Тогда счастливо оставаться. – Я вышла и удивилась – следом вышла жена клиента. Но Анжела пояснила, что ходит только поговорить с лечащим врачом мужа и вернется. Я осталась ее ждать, хотела убедиться, что они закрылись, а пока ждала, проинструктировала охранников, как себя вести. Они восприняли мои слова как шутку. Однако намек, что генерал-лейтенанту может не понравиться их отношение к делу, привел их в чувство.

– Генерал за этого парня вывернет наизнанку ваших шефов. А что они, в свою очередь, сделают с вами, вам лучше знать.

– А кто этот парень? – Лейтенант с благоговением указал глазами на дверь палаты Конюкова.

– Родственник самого, – многозначительно сказала я, указав пальцем вверх. Уточнений не понадобилось. Каждый понял в силу своего воображения. На лицах появилось выражение уныния. Лейтенант тихо матюкнулся, а его напарник пробормотал себе под нос:

– То-то, думаю, чего нас сюда погнали.

Вернулась Анжела. Я послушала, как повернулся ключ в дверном замке, и отправилась выполнять задуманное. Сначала дошла до стоянки, взяла машину, отъехала и, присмотрев укромное местечко, притормозила на пустыре под ивами, рядом с длинным девятиэтажным домом.

Там, в салоне «Фольксвагена», переоделась, привела в порядок лицо. Затем снова загримировалась под сорокалетнюю гримзу, следователя прокуратуры, образ которой даже без всяких слов внушал допрашиваемым ужас – акулий взгляд мутно-голубых глаз сделала с помощью контактных линз. Пригодились и очки от «медсестры». Я часто пользовалась этим образом, поэтому набила руку, и работа спорилась. Полчаса, и готово. В нагрудный карман положила удостоверение следователя, достала сотовый и позвонила будущей жертве прокурорского произвола. Мясницкий ответил сразу. Тяжелый, рокошующий бас. Владелец его мне представлялся эдаким попом с кадилом, служащим заутреню.

– Слушаю вас, говорите.

– Здравствуйте, Иван Евстигнеевич, вас беспокоит следователь по особо важным делам областной прокуратуры Хомутова, – представилась я как можно официальнее. – Мы не могли бы где-нибудь встретиться и поговорить касательно покушения на сотрудника вашего банка? Открылись новые детали. Мы можем встретиться или мне вызвать вас повесткой?

– Зачем марать бумагу, я и так готов побеседовать, только когда? – спросил Мясницкий без тени волнения. Либо он был невиновным, либо имел железобетонные нервы.

«Что ж, проверим», – решила я и вслух сказала:

– Мне бы хотелось встретиться с вами без промедления. Сейчас.

– Сейчас я собираюсь ехать домой, – проворчал Мясницкий.

– Отлично, давайте встретимся и поговорим в любой кафешке по дороге к вашему дому. – Я сделала паузу, восстанавливая в памяти карту города. Однако Мясницкий оказался дьявольски привередлив в выборе места. Не дав мне подумать, он заявил:

– Жена мне дома окрошку приготовила, жаркое с бараниной, а вы предлагаете какую-то кафешку. Если хотите встретиться непременно сегодня, заезжайте ко мне домой, минут через сорок. И еще момент, вы знаете в прокуратуре такого следователя – Дрозденко?

– Я всего год здесь работаю, поэтому следователя Дрозденко не припомню, – ответила я с улыбкой, – вот эксперта-криминалиста Дрозденко знаю, они не родственники с тем вашим следователем?

– Ладно, не важно, не знаете, и черт с ним, – проворчал хитрый Мясницкий, – приезжайте ко мне через сорок минут, как условились. Адрес вы, естественно, знаете. – В телефонной трубке после щелчка наступило молчание. Я убрала сотовый и ухмыльнулась себе в зеркале. Старый пень хотел меня поймать, но не на ту напал. Подавляемое большинство образов, используемых мной для перевоплощений, имели реальных прототипов. Существовала и следователь Хомутова, переведенная год назад из Волгоградской областной – нелюдимая, грубая. От нее плакали не только подследственные, но и ее коллеги. Перечень фамилий последних я заучила назубок, знала отдельные факты их биографий, так что попасть впросак я не могла. Даже если Мясницкий сейчас позвонит в прокуратуру, то раскроет меня лишь в том случае, если настоящая Хомутова лично подойдет к телефону. Обычно ее на месте застать трудно, а коллеги бурчали, что не имеют понятия, где она может находиться.

Домашний адрес Мясницкого дал мне Конюков. Я завела двигатель, и «Фольксваген» выполз из-под ив на дорогу. Квартира Ивана Евстигнеевича была всего в двух кварталах, так что я располагала кучей времени. В голове промелькнула мысль, не тороплю ли я события. Стоит ли сразу бросаться на подозреваемого? Я прогнала ее. Все другие способы уже испробовала милиция. Я могла поклясться, что следователи просмотрели распечатки всех телефонных разговоров за последнее время и сам телефон Мясницкого давно стоял на прослушке. Возможно, ему на хвост даже сопровождение повесили. Делом-то самые верхи интересовались. Но Мясницкий – стреляный воробей, его на мякине не проведешь. То бишь бесполезно прослушивать да пасти. Глупых ошибок он не совершит. Выбросив из головы все сомнения, я сосредоточилась на дороге.

3

Солнце, скрывшееся за большим сероватым облаком, погасило в нем свои лучи. И тут же померкли краски дня. Прохладнее не стало, но пришло ощущение, что день подходит к концу. Уютно разместившись на водительском сиденье «Фольксвагена», стоявшего под деревьями в тенистом маленьком дворике, я посмотрела на часы – пятнадцать минут восьмого. Мясницкий что-то не торопился домой есть окрошку и жаркое. Передо мной возвышался девятиэтажный шестиподъездный дом, тянувшийся буквой П. Перед окнами – клумбы с пестрыми цветами. У подъездов играют дети. Несколько старух, примостившихся на лавке, с явным неодобрением следили за разборкой котов под стенами котельной в центре двора. Одна из них привстала и противным голосом прокричала:

– Альфонсо, Альфонсо, отойди от них. Они грязные – с помойки. Ты что, не видишь, паразит такой!

Чтобы ее слова прозвучали более доходчиво для кошачьего разума, она подхватила с клумбы ком земли и запустила в котов. Взбудораженные животные сиганули в разные стороны, а я, наблюдая за ними, подумала: а не пропустила ли я Мясницкого, когда он входил в подъезд? Конюков в общих чертах описал его, сказал, что он ездит на серебристом «Мерседесе МакЛарене» без охраны, назвал номер. Но вдруг Мясницкий решил прогуляться пешком. С другой стороны, полного высокого мужчину с седыми выющимися волосами, с бородкой, в туфлях «Кензо» и костюме от «Джона Филипса» в классическом варианте вряд ли пропустишь в таком дворике. Когда мои мучения достигли апогея и я уже собиралась звонить ему на мобильный, во двор завернул тот самый «Мерседес», проехал, остановился у подъезда.

Я собиралась выйти из машины, но в этот момент заметила въехавшую следом бежевую «шестерку». В душе шевельнулось беспокойство. В «Жигулях» двое мужчин. Свернув, «шестерка» объехала двор по кругу и остановилась на противоположной стороне – у последнего подъезда. Никто из нее не вышел. «Милиция», – предположила я, повернув голову, посмотрела на Мясницкого. Тот выбрался с пиджаком и черным кожаным портфелем в руках, захлопнул дверцу и, отдуваясь, будто после кросса, поставил машину на сигнализацию. Да, раздобыл Иван Евстигнеевич в банке, но не растерял былых навыков. Незаметно его взгляд прошелся по двору. Заметив «шестерку», он снисходительно улыбнулся и пошел к подъезду. Мне бросилось в глаза большое пятно пота на его рубашке под лопатками.

Дверь в подъезд за ним с металлическим лязгом автоматически закрылась на электромагнитный замок, и пришел мой черед. Я неторопливо покинула «Фольксваген», прогулочным шагом двинулась мимо клумбы, словно любовалась цветами. Поздоровалась со старухами у подъезда, а как только к двери подошел какой-то мальчишка с ключом, увязалась за ним. Мальчишка поехал на лифте – я пешком, так как лифт для меня в любую минуту легко мог превратиться в ловушку, ведь неизвестно, кто ждет сверху, да и Мясницкий жил всего лишь на четвертом.

Соблюдая все предосторожности, я неслышно стала подниматься по лестнице. Вдруг какая-то возня наверху заставила меня насторожиться. Рука в сумочке тут же нащупала револьвер, но цели в пределах видимости пока не наблюдалось, и вытаскивать я его не стала. Может, все обойдется. В этот момент лифт замер, и мальчишка, который ехал в нем, вышел на одном из верхних этажей. Хлопнула – открылась и закрылась дверь, а потом наступила тишина, нарушаемая только тревожными шорохами, к которым я приближалась ступенька за ступенькой. Еще шаг, и в нос мне ударил хорошо знакомый кисловатый запах крови. Сердце от этого ужасного запаха затрепетало. Было понятно, что добра не жди. Вытащив из сумки револьвер, я повернула к лестнице на четвертый этаж и увидела каплю крови, скатившуюся по боковой поверхности лестницы с площадки четвертого этажа. Сделала еще шаг – открылась рука Мясниц-

кого с массивным обручальным кольцом на безымянном пальце, лежавшая на ступенях. Сбоку от мусоропровода ко мне метнулся скрывающийся там убийца. На нем были джинсы, черная майка и джинсовая жилетка поверх нее, забрызганная кровью. На голове бейсболка, развернутая козырьком назад, в руке зажат нож с широким зазубренным лезвием. Все это взгляд охватил за десятую долю секунды.

Я выстрелила. Проявив отличную реакцию, убийца увернулся, выбросил вперед руку с ножом, целясь мне в сердце. В то время его вторая рука заблокировала мою кисть с револьвером. Уклонившись от ножа, я перехватила его руку, а в следующую секунду получила удар головой в висок.

В глазах вспыхнули тысячи цветных искр, но я не потеряла контроль над ситуацией. Вывернула ему руку с ножом, одновременно высвобождая свою, парировала удар снизу коленом и оступилась, поскользнувшись на раздавленной на ступеньке конфете. У меня невольно вышло что-то вроде броска через бедро из самбо, только неуклюже и коряво. Но именно неуклюжесть и внезапность приема сработали против отточенной техники боя противника. Убийца обрушился спиной на лестницу. Я на него, потом мы оба перевернулись, рухнув на лестничную площадку третьего этажа. Нож, звякнув, соскользнул в лестничный пролет. Мой пистолет отлетел к двери в квартиру. На доли секунды опередив убийцу, я врезала ему левой ногой сбоку в голову, тут же правой в корпус, отбрасывая от себя, и рванулась за револьвером. Происходящее напоминало сумасшедший калейдоскоп картинок.

Убийца чуть не упал, но, ухватившись за перила, удержался. Мои пальцы сомкнулись на рукоятке револьвера. Я перевернулась на спину, целясь, и уперлась взглядом в черный зрачок дула пистолета киллера. Выстрелы прозвучали одновременно: его, благодаря глушителю похожий на хлопок, и мой, грохотом наполнивший весь подъезд. Стреляя, я судорожно дернулась в сторону. Пуля киллера просвистела у самого лица. Кожу на щеке словно опалило жаркой струей пороховых газов. Моя же пуля черкнула ему по шее, пропахав красную борозду. Отшатнувшись, убийца скатился вниз по лестнице. Я бросилась за ним, отскочила от пуль, посланных им снизу, выстрелила сама. Однако внизу уже никого не было.

Видно, убийца в этот момент понял, что со мной легко разобраться не получится, и обратился в бегство. Я слышала, как гигантскими прыжками он преодолел оставшиеся лестничные пролеты и выскочил из подъезда. Сбегая следом, я услышала стрельбу на улице. Однако к моему появлению все было кончено. Один из оперативников, зажав рану на животе, лежал ничком в клумбе. Второй, раненный в бедро, вызывал подкрепление по рации. В то же время «девяносто девятая» зеленого цвета с убийцей за рулем стартовала со двора точно ракета – визг покрышек, сизый дым из-под колес от сгорающей резины. Я метнулась к «Фольксвагену», на ходу снимая его с сигнализации, запрыгнула внутрь и, запустив двигатель, рванула с места за уехавшими «Жигулями».

Погоня началась сразу же за пределами двора. Прохожие бросались из-под колес враспынную, когда наши машины понеслись по тротуару, в обход узкой проезжей части, заблокированной грузовиком с продуктами. Преступник отлично водил и ориентировался на местности. Слетев с тротуара, он свернул на дорогу, перпендикулярную первой. Проезжую часть переходил полусонный старик, волоча за руль велосипед с картонной коробкой на багажнике. Он успел увернуться, а вот его велосипед – нет.

Перелетев через «девяносто девятую», искореженная грудa металла, сыплющая куриными яйцами из лопнувшей коробки, полетела в мою сторону. Я бросила руль вправо и затормозила, чтоб не врезаться в припаркованную у обочины машину. Велосипед рухнул на мостовую слева. На него налетела «Газель» и потащила, рассыпая искры по асфальту. Пока я на нее смотрела, соображая, как вырлиться, в зад «Фольксвагену» въехала «Тойота». Протолкнув мою машину вперед, она притерла «Фольксваген» к машине, запаркованной впереди.

Я выскочила из машины и одним ударом вырубил бросившегося ко мне владельца «Тойоты», конфисковав его транспортное средство. Она мне нужна. Убийца уходил. Глядя, как далеко впереди маячит «девяносто девятая», я свернула на перекрестке, до отказа вдавила в пол педаль газа и вывернула руль, обходя затормозившую «Газель». Дверцу я закрыть не успела, и ее искорежило ударом о столб, а потом об другую машину. Четко представляя себе план улиц, я за две минуты настигла убийцу и попыталась сбить с дороги. «Жигули» срезали многострадальную дверцу. Я притормозила и обошла «девяносто девятую» с другой стороны. Машины сблизилась, и я увидела искаженное яростью лицо убийцы и гранату в его руке. Как-то испитившись, он зашвырнул гранату мне в салон.

Упав на пассажирское сиденье, она соскользнула на пол, а потом куда-то закатилась так, что я потеряла ее из вида. Ситуация на грани. В любую секунду могло рвануть. Не раздумывая, я ударила по тормозам и выпрыгнула из летевшей юзом «Тойоты». Прокатилась по асфальту, обдирая кожу на руках и коленях, замерла, а «Тойота» на моих глазах врезалась в ряд машин на обочине, и тут же ее салон разнесло в клочья взрывом. Хорошо, что еще рядом никого не было. Поднявшись, я с тоской посмотрела на ссаженные ладони, потом вслед уехавшему киллеру и выругалась.

Бывают же такие дни! Но некогда расслабляться. Постепенно на пустынной улице начали появляться люди. В окнах домов замелькали обеспокоенные лица. Кто-то робко подступил к дымящимся останкам «Тойоты». Нужно было срочно ретироваться, пока не появилась милиция. От всяких взрывов слуги правопорядка, по моим наблюдениям, становились злыми и подозрительными, хватали всех подряд, кто под руку попадет, – я же, в своей изодранной одежде, просто провоцирую преследование с их стороны.

Бочком, бочком, я улизнула с улицы, протиснувшись между уличными киосками, пошла дворами, на ходу отряхиваясь, чтобы выглядеть более-менее цивилизованно. Никто из встречавшихся мне на пути людей не обращал внимания на странную и очень грязную оборванку, бредущую, вероятно, в поисках мусорки. Только и разговоров было что о взрыве. Сталкиваясь, люди интересовались друг у друга: где взорвалось, что взорвалось и погиб ли кто-нибудь при этом. Но толком никто ничего не знал. Лишь одна сгорбленная старуха в своих летних валенках на босу ногу с уверенностью прокаркала:

– Это террористы бомбу заложили под «комки» на улице.

Я двигалась так, чтобы, срезав путь, быстрее вернуться к месту, где бросила свой «Фольксваген». За спиной прозвучали милицейские сирены. Пока они разберутся в ситуации, я буду уже далеко. Огорчала мысль, что наверняка придется оставить машину. Шофер «Тойоты», конечно, успел вызвать гаишников, и они в данный момент зарисовывают план-схему ДТП и составляют мое описание. К счастью, я обманулась в своих предположениях. Владельца «Тойоты» воспитывал бугай из «БМВ», в которого воткнулся мой «Фольксваген». ГАИ и не пахло. Ребята решили разобраться по-нормальному, по-пацански.

– Это не моя машина, – верещал худой, долговязый, одетый в спортивный костюм владелец «Тойоты», подразумевая мой «Фольксваген». Носки кроссовок долговязого во время «разговора» болтались в десяти сантиметрах над землей.

– Если это не твоя машина, на хрена ты в нее лазил, козлина, – ревел в ответ бугай, трясая парня, словно тюк с бельем, – не держи тут передо мной прикол, лосенок, а то живо ласты склеишь.

Я прошла мимо них, спокойно села в свой «Фольксваген» и завела двигатель.

– Не понял, это что еще за коза, – возмутился бугай, отшвырнул долговязого и бросился к машине. – Эй, уродина, че творишь!

Я переключила коробку передач на задний ход и, удерживая одной рукой руль, другой высунула в окно револьвер, чтобы исключить дальнейшее непонимание. Бугай от вида револь-

вера оторопел. Я надавила на газ и резко развернулась, следя за дорогой. Переключила передачу, снова на газ и вперед.

– Я тебя, тварь, достану, – крикнул в бессильной ярости бугай мне вслед.

– Дерзай, засранец, – пробормотала я, глядя в зеркало заднего вида.

Следующая остановка – автосервис. Шарашка называлась «Пятое колесо». Я была постоянным клиентом, и мною дорожили здесь, как никем другим. Вопросов не задавали даже при виде пулевых отверстий на кузове от автоматных очередей. Я зарулила в открытые ворота и затормозила в нескольких сантиметрах от ног юркого белобрысого парнишки в синей рабочей блузе. Павел, нелепо взмахнув руками, с воплем попятился.

– Осторожнее! Совсем уже офонарела!

Я вышла, и он осекся, не признав. Подошел мастер, усохший пятидесятилетний мужчина с синими глазами запойного пьяницы.

– Узнаешь, Сергеич? – весело спросил у него Паша, тыкая пальцем в помятый «Фольксваген».

Мастер заскорюзлыми руками вытащил изо рта сигарету, выпустил дым, окинул машину оценивающим взглядом и протянул:

– Да, что люди только не выделывают с фартовыми тачками. И вот не жалко ни хрена.

– Хватит базарить, – рявкнула на них я, бросила ключи от машины Павлу, – подшаманьте цивилично, хозяйка через неделю заедет и расплатится.

Павел виртуозно поймал ключи и передал мастеру, который недовольно проворчал:

– Передай хозяйке, как увидишь, что это ей будет дорого стоить. Передок, зад смят, царапины, фарам конец. Потом покраска – штуки две с половиной, может, больше. Пусть готовит.

– Сам ей скажешь, главное, сделай все. – Я вытащила из багажника сумку со своими вещами, вторую – из салона. Поставила их рядом. Еще раз проверила свои тайники. Ничто компрометирующее не должно попасть в руки врагам. Павел проводил меня до ворот и закрыл их за мной. Хотя до этого они не закрывались.

Переодевшись в какой-то подворотне, я поймала такси, заехала домой, оставила там часть вещей, а с остальными вернулась в больницу. Прокурорское удостоверение оказало магическое действие на охрану. Несмотря на поздний час, меня пропустили в больницу без звука. Такой же эффект – с медсестрой на посту и с охранником у дверей в палату Конюкова.

Мой клиент, слышав знакомый голос, гостеприимно распахнул дверь, но, узрев на пороге меня в гриме, оробел и попробовал закрыть дверь.

– Да я это, я. – Без колебаний отстранив его, я прошла в палату, поставила в угол сумку и стала у раковины, чтобы снять с себя грим. Успокаивающе зажурчала из крана вода. Я заглянула в зеркало. Кончиками ногтей подцепила накладку на носу и оторвала ее. За моей спиной клиент в комнате сел на кровать, налил себе соку и, наблюдая за мной через дверной проем ванной, спросил: – А обязательно каждый раз гримироваться? Я чувствую, что скоро получу инфаркт из-за этого. Вы всегда с новым лицом. Свихнуться можно.

– Жизнь заставляет. – Я смочила средством для снятия грима салфетку, с силой тирнула ею несколько раз по щекам и лбу, убрав одним махом вместе с морщинами десятилетия возраста. – Смотрите-ка, я могу рекламировать средство от старости. Не желаете ли, Андрей Кондратьевич, профинансировать проектик?

– Очень смешно, – поморщился Конюков недовольно. – Ну как, удалось разговорить Мясницкого?

– Нет, он, кажется, мертв. Я точно не поняла, но кровящи было море, – ответила я, тяжело вздохнув, – да, не повезло.

– Не повезло! – зашипел Конюков, подсакивая с кровати с круглыми от страха глазами. – Вы называете это невезением?! Запытали человека до смерти – и не повезло! – В отчаянии он

запустил пальцы в волосы. – Ужас, хорошо, что Анжела дома и не слышит этого. А ведь я вас нанял. Меня посадят.

– Не валяйте дурака, – одернула я его. – Мясницкого убил тот же человек, что стрелял в вас. По описаниям похож. Я видела его лицо, преследовала, но упустила.

– Значит, Мясницкий убит, – повторил Конюков, осмысливая сказанное. С потрясенным видом он опустил на кровать и залпом осушил стакан сока. Закончив с лицом, я присела рядом и рассказала, как все там произошло. В конце повествования клиент упавшим голосом произнес: – Все, следующим буду я.

– С чего вы это взяли? – спросила я. – Убийца не предпринимал попыток добить ни вас, ни Портняжного, а Мясницкий погиб потому, что стал председателем правления. Эта причина убийства кажется мне наиболее правдоподобной.

– Вы уверены? – с надеждой посмотрел на меня Конюков.

– Уверена, – подтвердила я, – сами проследите цепь событий. Портняжный – председатель правления. На него покушаются. Следующий человек, который должен был занять пост председателя, – это вы. Покушение на вас. Мясницкий занимает пост председателя правления, и его убивают.

– Но, следуя этой логике, меня как раз сейчас и должны убить, – проговорил Конюков задумчиво. – После смерти Мясницкого меня, скорее всего, назначат председателем. Больше некого.

– А Тыртышная? – напомнила я.

– Не знаю, не знаю, – покачал головой Конюков, – мне кажется, Портняжный ее не назначит. Не думаю.

Я не ответила. В голове вертелась мысль, а не Тыртышная ли действительно все это организовала. Время уходит, она не молодеет, надеется на пост, к которому шла долгие годы, а тут приходит молодой выскочка, и ее задвигают на задний план. Есть от чего взбеситься. Завтра же надо заняться ею, решила я. Еще переговорить с Портняжным. Вдруг у него имеются мысли по поводу того, кто устраняет сотрудников его банка.

Из сумки я достала свой ноутбук, оснащенный встроенным модемом с функцией ADSL – мобильного телефона для выхода в Интернет. Поставила его на свободное место на столе, подключила в розетку.

Была пара задумок. Время детское – я подумала, что успею все сделать и еще выспаться. Конюков в расстроенных чувствах схватился за корзинку с фруктами. Очистил себе банан, принялся его с аппетитом есть перед мерцающим в полумраке палаты экраном телевизора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.